

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 1909 г. ко мне пришел один раз близкий Льву Николаевичу человек С. Д. Николаев, и мы разговорились с ним о моих Записках. Через некоторое время к нам пришел Л. Н. и, узнав, о чем мы говорили, сказал:

— Я вас, друзей своих, прошу, когда меня не станет, помнить об этом: не придавайте большого значения тому, что я говорю в разговорах. Я иногда говорю зря, необдуманно, под впечатлением минуты... К письмам я отношусь с большей осторожностью, но вполне ответственным чувствую себя только за то, что отдаю в печать и что побывало у меня в корректурах.

Эту же самую мысль Л. Н. записал у себя в дневнике 25 августа 1909 г. в еще более решительных выражениях: «Очень прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать». Далее Л. Н. объясняет, чем вызваны эти его слова: «Читаю Конфуция, Лао-тзе, Будду (то же можно сказать и об Евангелии) и вижу рядом с глубокими, связанными в одно учение мыслями — самые странные изречения: или случайно сказанные, или перевернутые. А эти-то именно такие странные, иногда противоречивые мысли и изречения и нужны тем, кого обличает учение. Нельзя достаточно настаивать на этом. Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом».

Так относился сам Л. Н. к своим словам и, разумеется, не мог относиться иначе. Но мы, все те, кому дорого не только учение его, но дорог был он сам, с его во все проникавшим умом и за все страдавшим сердцем, мы не можем так относиться к тому, что он говорил. Нам дорого знать, как жил он в своей повседневной жизни, как проводил в жизнь свое учение о любви при своих бесчисленных встречах с людьми самыми разнообразными по общественному положению, взглядам на жизнь и душевным свойствам; чему радовался и чем огорчался; как отзывался на волновавшие всех общественные события, как судил о тех или других литературных произведениях и т. д., и т. д., все то, что далеко не вполне высказано в его книгах и даже в дневнике записывалось им не всегда.

Я начал записывать слова Л. Н. сначала для чешских и словенских * друзей и для биографов Л. Н., потом продолжал записывать потому, что те, кто лучше меня мог это делать, не делали этого; затем уже втянулся в эту работу.

Записывал я иногда по памяти, иногда же во время разговоров старался незаметно записывать все, какие успевал, отдельные выражения и целые мысли, сказанные Л. Н. Когда расходились спать, я садился за переписывание того, что в течение дня записал на листках, стараясь по этим записям восстановить нить разговора. К сожалению, довольно часто я не успевал переписать все в ту же ночь: или бывал нездоров, или очень усталый и переписывал на второй или на третий день, а иногда и позднее. Переписывая даже на второй день, я многого не мог уже вспомнить. (Вследствие поздней переписки в датах некоторых чисел могут быть ошибки на день

* Т.е. словацких. — *Ред.*

Д. МАКОВУХИ

Яснополянские записки

1

ЗАДРУГА
1922

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
«ЯСНОПОЛЯНСКИХ ЗАПИСОК».
1904—1905 гг.
«Задруга». Вып. 1. Москва, 1922.
Обложка

или на два *). Некоторые дни совсем не успевал переписывать и только через несколько лет, уже после смерти Л. Н., переписал их с черновых записей. (Такие дни указаны в примечаниях.) При этом, разумеется, большую часть записанного не мог вспомнить, многое не мог и разобрать. За все шесть лет ни разу не перечитал, не дополнял и не исправлял записанного.

Записывать мне приходилось не всегда, так как часто, приблизительно один день из каждых пяти-шести дней, меня не было в Ясной Поляне, в остальные дни некоторые часы также часто бывали заняты.

Слова тех лиц, с которыми говорил Л. Н., я не записывал подробно; от этого в моих записках Л. Н. часто говорит больше, чем его собеседники, и говорит как будто с апломбом, стараясь внушить собеседнику свою мысль. На самом деле бывало обратное: собеседники Л. Н. говорили больше, чем он, и часто именно они говорили с апломбом, стараясь заставить его согласиться с их мнением. Л. Н. же только отвечал на их слова. У меня часто в одном абзаце соединены мысли Л. Н., высказанные им в ответ на несколько последовательных вопросов или возражений собеседников, у меня не записанных. Полагаясь на память, я надеялся, что в будущем, на досуге, восстановлю то, что говорили собеседники Л. Н.-ча, и сообразно с этим расчленю его слова. Но сделать это сначала не было времени, а после уже не мог вспомнить.

Л. Н., спустя некоторое время после моего приезда в Ясную Поляну, узнал, что я записываю его слова, и мне бывало иногда неприятно сознавать, что я, может быть, стесняю его беседу, как бы оказывая давление на

* Эти ошибки в настоящем издании устранены.— *Ред.*

1907

МАКОВИЦКИЙ

Рисунок (итальянский карандаш) И. Е. Репина с автографической надписью художника:
«1907. 28 сент. Ясная Поляна».

Matice slovenská, г. Мартин

«... Когда <Репин писал меня>, вошел Л. Н., подошел к Илье Ефимовичу, посмотрел портрет, сказал:
«Глаза ему сердитые написали. Смягчите». — Запись от 28 сентября 1907 г.